

На правах рукописи

СТАРШИНОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

**ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ «МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА» В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРИОДА ЮСИН (1972–1979)**

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: **Ким Наталья Николаевна**

кандидат исторических наук, директор
Международного центра корееведения МГУ им.
М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты: **Толстокулаков Игорь Анатольевич**

доктор исторических наук, профессор кафедры
корееведения Федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования «Дальневосточный
федеральный университет» (ДФУ).

Казарьян Рубен Левонович

кандидат политических наук, старший научный
сотрудник отдела Кореи и Монголии Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
«Институт востоковедения Российской академии
наук» (ИВ РАН).

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное
учреждение науки «Институт Китая и современной
Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН).

Защита диссертации состоится «__» _____ 2026 г. в __. __ ч. на заседании
диссертационного совета 24.1.041.01 на базе ФГБУН «Институт востоковедения
РАН» по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН «Институт
востоковедения РАН» (г. Москва, ул. Рождественка, д. 12) и на сайте института:
www.ivran.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Петрова А.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Период правления Пак Чонхи (1961–1979 гг.) является переломной эпохой в истории Республики Корея, когда бедное и полуаграрное государство, опустошенное Корейской войной (1950–1953 гг.), прошло через полномасштабную модернизацию и добилось значительного экономического роста. Проводимая правительством Пак Чонхи политика модернизации оказала огромное влияние на все сферы жизни южнокорейского общества. Вместе с тем в силу авторитарного характера режима Пак Чонхи его президентство сопровождалось массовыми нарушениями гражданских прав и свобод и репрессиями в отношении политической оппозиции.

Авторитарный период Юсин (1972–1979 гг.) стал кульминацией процессов модернизации: государство сосредоточилось на развитии сельской местности и тяжелой и химической промышленности. Параллельно с этим в 1970-е гг. происходила массовая политизация и индоктринация южнокорейского общества, и это время, будучи пиком модернизационной политики, тем самым стало и наивысшей точкой идеологической мобилизации страны.

В этих условиях возник новый тип культуры, так называемая «молодежная культура» (*чхоннён мунхва*) – вестернизированная городская субкультура молодых людей, принадлежавших к поколению бэби-бумеров, родившихся после Корейской войны. В период Юсин «молодежная культура» оказалась в условиях давления как со стороны авторитарного государства, так и со стороны старшего поколения, воспринимавшего новые формы молодежного самовыражения как отклонение от традиционных норм.

В настоящей диссертации проводится всесторонний анализ феномена «молодежной культуры» в контексте его взаимодействия с государственной политикой, включая модернизационные процессы, осуществляемые под эгидой государства, и государственную молодежную политику.

Научная актуальность. Актуальность темы данного исследования определяется тремя факторами. Во-первых, изучение «молодежной культуры» в контексте государственной политики в отношении молодежи позволит лучше понять сущность периода Юсин в целом и поможет дать более полную и объективную оценку времени правления Пак Чонхи. Во-вторых, исследование взаимосвязей и противоречий между государственной политикой и «молодежной культурой» поможет глубже осмыслить процессы модернизации и вестернизации, происходящие в западных странах. В-третьих, на фоне растущего интереса к современной южнокорейской популярной культуре (*кей-пон*) со стороны научного сообщества, анализ ее истоков и ранних форм будет способствовать более полному пониманию специфики современного культурного ландшафта Республики Корея.

Степень научной разработанности темы. Тема «молодежной культуры» 1970-х гг., равно как и молодежной политики государства того периода, являются малоизученными и практически не рассматривались в отечественном корееведении. Тем не менее, ряд трудов российских корееведов раскрывает отдельные аспекты общественного развития Республики Корея 1970-х гг., важные для нашей диссертации.

Среди обобщающих трудов, посвященных историческому развитию Кореи, особого внимания заслуживает исследование С.О. Курбанова *«История Кореи: с древности до начала XXI века»*¹, а также коллективная монография *«Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории»*². Эти работы последовательно раскрывают ключевые тенденции социально-политического и экономического развития двух корейских государств в различные исторические периоды, включая особенности их эволюции во второй половине XX в. Общие особенности корейской культуры, в том числе включая такие аспекты популярной культуры, как кинематограф, нашли отражение в учебном пособии И.А. Толстокулакова *«Очерк истории корейской культуры»*³.

Фундаментальная работа К.В. Асмолова *«Корейская политическая культура»*⁴ посвящена особенностям политической культуры в странах Корейского полуострова и включает в себя разделы об идеологии режима Пак Чонхи и влияния традиции на ее становление. Политическая история авторитарного периода нашла отражение в исследованиях И.А. Толстокулакова⁵ и В.М. Мазурова⁶. Вопросы идеологической эволюции Республики Корея в годы авторитарного правления также обстоятельно рассмотрены в трудах Е.М. Ермолаевой⁷, часть из которых подробно останавливается на идеологических особенностях эпохи Пак Чонхи. Следует отдельно упомянуть и монографии А.А. Прошина и А.А. Тимонина⁸ и М.Н. Пака⁹, которые с

¹ Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI века. 4-е изд., испр. ред. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. 742 с.

² Торкунов А.В. и др. Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.

³ Толстокулаков И.А. Очерки истории корейской культуры. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2002. 240 с.

⁴ Асмолов К.В. Корейская политическая культура: традиции и трансформации. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 697 с.

⁵ Толстокулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2007. 365 с.

⁶ Мазуров В.М. Южная Корея и США. (1950–1970 гг.). М.: Наука, 1971. 268 с; Мазуров В.М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М.: Восточная литература РАН. 1996. 197 с.

⁷ Ермолаева Е.М. Республика Корея в авторитарный период: идеология, власть и общество. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2021. 212 с.

⁸ Прошин А.А., Тимонин А.А. Неоколониализм США и Южная Корея. М.: Наука, 1985. 189 с.

⁹ Пак М.Н. Очерки по историографии Кореи. К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков. М.: Наука, 1987. 148 с.

марксистских позиций критически подходят к осмыслению идеологии того времени.

Социально-экономические аспекты модернизации в период правления Пак Чонхи рассматривались в трудах А.А. Бучкина¹⁰ и Б.В. Синицина¹¹. Исследования В.И. Ильина¹² и Д.В. Иванова¹³ раскрывают влияние процессов модернизации на повседневную жизнь южнокорейцев, уделяя особое внимание возникновению таких феноменов, как общество потребления и трансформацию традиционных социальных связей. Значимость сферы образования для государств Корейского полуострова и особенности ее модернизации подробно раскрыты в монографии Пак Хису и И.А. Толстокулакова¹⁴, там же дан краткий исторический очерк развития сферы образования в Республике Корея. Необходимо отметить и труды Н.Н. Ким¹⁵, затрагивающие не только гендерную проблематику в южнокорейской истории, но и отдельные аспекты развития рабочего движения.

Англоязычные работы, содержащие информацию по теме «молодежной культуры», крайне малочисленны и, за редким исключением, либо являются краткими пересказами и переводами работ, написанных на корейском языке, либо общеисторическими книгами, в которых феномен «молодежной культуры» и государственная политика в отношении молодежи упоминаются предельно кратко. Несколько монографий на английском языке, тем не менее, затрагивают политику государства и социально-экономические изменения в период авторитарной модернизации, а потому могут быть полезны для выполнения исследовательских задач данной диссертации.

В монографии «*“Образовательная лихорадка”*: общество, политика и стремление к обучению в Южной Корее»¹⁶ Майкл Сет детально рассматривает трансформацию системы образования в Республике Корея в контексте

¹⁰ Бучкин А.А. Социальная эволюция современной Южной Кореи: капиталистическая модернизация и средние городские слои. М.: Наука, 1987. 219 с.

¹¹ Синицын Б.В. Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964). М.: Наука, 1967. 172 с; Синицын Б.В. Стратегия социально-экономической модернизации Республики Корея (60–80-е годы) // *Республика Корея. Опыт модернизации* / отв. ред. В.М. Мазуров. М.: Восточная литература РАН, 1996. С. 74–106.

¹² Ильин В.И. Модернизация повседневности в Корее // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. № 4. С. 90–106.

¹³ Иванов Д.В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. № 4. С. 63–89.

¹⁴ Пак Х.С., Толстокулаков И.А. Образование в общественно-политической системе государств Корейского полуострова. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2007. 254 с.

¹⁵ Ким Н.Н., Хохлова Е.А. Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современному // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2017. № 3. С. 106–122; Ким Н.Н. Эволюция женского общественного движения в Республике Корея // *КНДР и РК-70 лет: Коллективная монография*. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 263–276; Ким Н.Н. Гендер, класс и этничность: перипетии истории женского рабочего движения в Корее // *Женщины в Китае, Корее и Вьетнаме: От традиционного общества к современному*. М.: Наука, 2019. С. 118–160.

¹⁶ Seth M. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. 320 p.

послевоенной модернизации, уделяя особое внимание взаимодействию между устремлениями населения и проводимой государством образовательной политикой. Две монографии Ку Хэгына, посвященные рабочему¹⁷ и среднему¹⁸ классам, подробно раскрывают процесс классовообразования в современной Республике Корея, затрагивая и особенности их противоречивого взаимодействия с доминирующей идеологией в период правления Пак Чонхи.

Следует отдельно выделить монографию Мун Сынсук¹⁹, которая, на наш взгляд, является одной из ключевых работ, необходимых для понимания периода правления Пак Чонхи в целом и периода Юсин в частности. Автор рассматривает период военного управления через призму двух основных концептов: «милитаризированной модерности» (англ. *militarized modernity*) и «гендерно-дифференцированного набора гражданских прав и обязанностей» (англ. *gendered citizenship*), тем самым раскрывая основные особенности гендерного измерения идеологии военного режима. И хотя Мун Сынсук не выделяет молодежь как ключевого адресата такой политики, с нашей точки зрения, именно молодое поколение фактически становилось ее главной «целевой группой». Использование такого подхода к осмыслению государственной политики способно более точно характеризовать отношения между государством и «молодежной культурой».

Работы на корейском языке гораздо более многочисленны и составляют основной массив вторичных источников для нашей диссертации. Количество статей, непосредственно посвященных «молодежной культуре», однако, не так велико, а существующие материалы в основном затрагивали лишь ее отдельные аспекты. Кроме того, значительная часть исследований преимущественно воспринимают «молодежную культуру» не как *социокультурное* явление, а лишь как *художественное* движение в музыке, кинематографе и литературе.

Среди отдельных работ о «молодежной культуре» следует отметить статью Ли Херим «Исторический процесс формирования “молодежной культуры” 1970-х гг. на примере паттернов потребления популярной музыки»²⁰, в которой прослеживается исторический контекст формирования «молодежной культуры». Несмотря на то, что основной акцент исследования лежит на музыке, в нем кратко обозначаются общие аспекты «молодежной культуры» и выделяются социально-экономические факторы, оказавшие влияние на становление этого феномена, что

¹⁷ Koo H. Korean Workers: The Culture and Politics of Class Formation. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. 240 p.

¹⁸ Koo H. Privilege and Anxiety: The Korean Middle Class in the Global Era. Ithaca: Cornell University Press, 2022. 162 p.

¹⁹ Moon S. Militarized Modernity and Gendered Citizenship in South Korea. Durham; London: Duke University Press, 2005. 268 pp.

²⁰ 이혜림. 1970년대 청년문화구성체의 역사적 형성과정 – 대중음악의 소비양상을 중심으로 [Ли Херим. Исторический процесс формирования «молодежной культуры» 1970-х гг. на примере паттернов потребления популярной музыки] // 사회연구. 2005. 제 6 권. 제 2 호. 7–40 쪽.

делает эту работу исключением из отмеченной выше тенденции. Среди исследований фолк-музыки 1970-х гг. необходимо также упомянуть работы Ким Чханнама²¹, который склонен критически оценивать популяризацию этого направления, утверждая, что наибольший вклад в развитие аутентичной музыки, связанной с «молодежной культурой», внес лишь Ким Минги.

В категории исследований, посвященных искусству «молодежной культуры», следует обратить внимание на статьи Кан Ёнхи²² и Сон Ёнён²³. Кан Ёнхи анализирует отдельные особенности «молодежных мелодрам» 1970-х гг., Сон Ёнён впервые рассматривает феномен южнокорейской молодежной субкультуры сквозь призму культуры потребления.

Среди работ о восприятии «молодежной культуры» обществом и государством следует отметить исследования Чу Чханьюна²⁴ и Ли Саннока²⁵, где проводится анализ различных типов дискурса, сопровождавших осмысление этого феномена.

Важное значение для диссертационного исследования имеют работы и коллективные монографии, посвященные 1970-м гг. как отдельному периоду в истории Республики Корея. Они затрагивают широкий спектр политической, социальной и культурной истории того времени и зачастую кратко упоминают и «молодежную культуру». Хотя большинство таких изданий лапидарно излагают проблематику «молодежной культуры», некоторые из них не лишены интересных наблюдений и выводов. Среди таких работ внимания заслуживает трехтомная «Прогулка по истории Республики Корея 1970-х гг.»²⁶ Кан Чжунмана, где в хронологическом порядке изложены ключевые события того времени, и

²¹ 김창남. 김민기, 그리고 새로운 청년문화의 구상 [Ким Чханнам. Ким Минги и формирование новой молодежной культуры] // 김민기 [Ким Минги] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 9–26 쪽; 김창남. 1970 년대 한국 청년문화의 문화적 정체성: 통기타음악을 중심으로 [Ким Чханнам. Культурная идентичность «молодежной культуры» 1970-х гг. на примере акустической гитарной музыки] // 대중음악. 2008. 제 2 호. 144–165 쪽.

²² 강영희. 10 월유신, 청년문화, 사회성 멜로드라마 [Кан Ёнхи. Система Юсин, «молодежная культура» и жанр «социальной мелодрамы»] // 여성과 사회. 1992. 제 3 호. 223–248 쪽.

²³ 송은영. 대중문화 현상으로서의 최인호 소설: 1970 년대 청년문화/문학의 스타일과 소비풍속 [Сон Ёнён. Романы Чхве Инхо как феномен массовой культуры: стиль «молодежной культуры»/«молодежной литературы» 1970-х гг. и связанные с ними потребительские практики] // 상허학보. 2005. 제 15 호. 419–445 쪽.

²⁴ 주창윤. 1970 년대 청년문화 세대담론의 정치학 [Чу Чханьюн. Политика поколенческого дискурса «молодежной культуры» 1970-х гг.] // 언론과 사회. 2006. 제 14 권. 제 3 호. 73–105 쪽.

²⁵ 이상록. 박정희 체제의 ‘사회정화’ 담론과 청년문화 [Ли Саннок. Дискурс «очищения общества» режима Пак Чонхи и «молодежная культура»] // 근대의 경계에서 독재를 읽다: 대중독재와 박정희 체제 [Прочтение диктатуры на полях модерности: массовые диктатуры и режим Пак Чонхи] / 장문석, 이상록 엮음. 서울: 그린비, 2006. 335–376 쪽.

²⁶ 강준만. 한국 현대사 산책 1970 년대 1–3 [Кан Чжунман. Прогулка по новейшей южнокорейской истории: 1970-е гг. Т 1–3]. 서울: 인물과사상사, 2002. 929 쪽.

монография Хан Хонгу «Юсин: эпоха одного человека»²⁷, где автор, отказавшись от строгого хронологического повествования, концентрируется на тематических блоках истории 1970-х гг. Следует выделить и сборник статей «1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи»²⁸, в котором коллектив авторов пытается критически осмыслить политическую, социальную и культурную историю периода Юсин.

Отдельную категорию работ составляют исследования повседневности периода правления Пак Чонхи. Механизмы воздействия государства на повседневную жизнь в условиях модернизации исследуются в коллективной монографии «Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи»²⁹, а аспекты повседневной культуры разных социальных групп и степень вмешательства государства в сферу их повседневных практик рассматриваются в «Истории повседневности Республики Корея в современный период, 1970-е гг.: «Движение за новую деревню» и мини-юбки»³⁰.

Поскольку сквозной темой нашей диссертации является взаимодействие южнокорейской «молодежной культуры» с популярной культурой, особый интерес представляют работы о южнокорейской популярной культуре эпохи Пак Чонхи в целом. Стоит отметить серию книг «Археология южнокорейской популярной музыки»³¹ за авторством Син Хёнчжуна и Чхве Чжисона, а также монографии Ли Ёнми³², Ким Чханнама³³ и Ким Сонхвана³⁴, каждая из которых затрагивают отдельные аспекты развития южнокорейской массовой культуры в 1970-х гг., упоминая и «молодежную культуру».

²⁷ 한홍구. 유신 오직 한 사람을 위한 시대 [Хан Хонгу. Юсин: эпоха одного человека]. 서울: 한겨레출판, 2014. 422 쪽.

²⁸ 1970, 박정희 모더니즘 [1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 412 쪽.

²⁹ 국가와 일상: 박정희세대 [Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 510 쪽.

³⁰ 한국현대 생활문화사 1970년대: 새마을운동과 미니스커트 [История повседневности Республики Корея в современный период, 1970-е гг.: «Движение за новую деревню» и мини-юбки] / 김경일 등저. 서울: 창비, 2016. 316 쪽.

³¹ 신현준, 최지선. 한국 팝의 고고학 1960 [Син Хёнчжун, Чхве Чжисон. Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг.]. 서울: 을유문화사, 2022. 488 쪽; 신현준, 최지선. 한국 팝의 고고학 1970 [Син Хёнчжун, Чхве Чжисон. Археология южнокорейской популярной музыки: 1970-е гг.]. 서울: 을유문화사, 2022. 596 쪽.

³² 이영미. 한국 대중가요사 [Ли Ёнми. История корейской популярной музыки]. 서울: 시공사, 1998. 324 쪽.

³³ 김창남. 한국 대중문화사 [Ким Чханнам. История корейской популярной культуры]. 서울: 한울아카데미, 2021. 432 쪽.

³⁴ 김성환. 1970년대 대중문학의 욕망과 대중서사의 변주 [Ким Сонхван. Чаяния массовой литературы и вариации популярного нарратива в 1970-е гг.]. 서울: 소명출판, 2019. 533 쪽.

Наконец, важный блок исследований посвящен культурной политике государства в период Юсин. В этой категории следует отметить труд Мун Окпэ³⁵ о музыкальной политике, статьи Пак Юхи³⁶ о цензуре в кинематографе и монографию Ким Хэнсон «Культурная политика режима Пак Чонхи и управление культурой в 1970-е гг.»³⁷, где подробно описывается политика в сфере традиционной и популярной культуры в указанный период.

Исходя из вышесказанного, в современной историографии практически отсутствуют отдельные работы, которые бы не только рассматривали *полный* исторический путь, который проделала «молодежная культура», но и ее развитие в контексте государственной политики.

Объектом исследования являются молодежные культуры и субкультуры, возникающие и развивающиеся в городской среде в условиях интенсивной урбанизации и модернизации современного общества.

Предметом исследования является южнокорейская «молодежная культура», рассматриваемая в контексте государственной политики правительства Пак Чонхи периода Юсин (1972–1979 гг.).

Целью диссертации является определение особенностей развития южнокорейской «молодежной культуры» под влиянием государственной политики периода Юсин (1972–1979 гг.). Достижение данной цели предполагает выполнение нескольких **исследовательских задач**:

- Выявить и проанализировать причины возникновения «молодежной культуры», основные этапы ее развития и причины упадка во второй половине 1970-х гг.
- Выявить и проанализировать особенности государственной политики модернизации, определить степень ее влияния на «молодежную культуру».
- Выделить основные направления государственной политики в отношении молодежи в период Юсин, ее конкретные подходы и методы.
- Определить характер отношений между «молодежной культурой» 1970-х гг. и государственным проектом модернизации.

³⁵ 문옥배. 한국 금지곡의 사회사 [Мун Окпэ. Социальная история корейских запрещенных песен]. 서울: 예술, 2004. 260 쪽.

³⁶ 박유희. 박정희 정권기 영화 검열과 감성 재현의 역학 [Пак Юхи. Динамика киноцензуры и эмоциональной репрезентации в период правления Пак Чонхи] // 역사비평. 2012. 제 46 호. 42–90 쪽; 박유희. ‘검열’이라는 포르노그래피 – <춘몽>에서 <애마부인>까지 ‘외설’ 검열과 재현의 역학 [Пак Юхи. «Порнография» как категория цензуры: динамика цензуры и репрезентации «непристойного» от «Пустого сна» до «Мадам Эма»] // 한국영화역사 속 검열제도 [Система цензуры в истории корейского кинематографа]. 서울: 한국영상자료원, 2016. 153–209 쪽.

³⁷ 김행선. 1970년대 박정희 정권의 문화정책과 문화통제 [Ким Хэнсон. Культурная политика режима Пак Чонхи и управление культурой в 1970-е гг.]. 서울: 선인, 2012. 245 쪽.

Работы, составляющие **теоретико-методологическую основу** данной диссертации, можно разделить на несколько категорий.

В первую категорию входят работы, посвященные особенностям становления современного общества и государства, в частности книга Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать»³⁸ и «Национальное государство и насилие»³⁹ Энтони Гидденса. Несмотря на разницу в подходах, оба автора рассматривают модернность в качестве этапа, когда происходят глубокие общественные трансформации, связанные с установлением новых институтов и методов осуществления власти, «встроенных» в сферу повседневности. В нашей диссертации эта группа работ используется для выделения особенностей современной модели управления обществом, окончательный переход к которой происходит в период правления Пак Чонхи.

Во второй блок работ входят *социологические исследования поколений*. На методологическую основу данной диссертации оказала влияние теория поколений Карла Мангейма⁴⁰, рассматривающая поколения как социальные группы, возникающие на основе общности уникального социального и исторического опыта. В диссертации мы также используем некоторые положения из исследований Шмуэля Эйзенштадта⁴¹, выделяющего влияние социальной структуры и модернизации на становление поколений. Эта группа исследований лежит в основе определения особенностей поколения, ставшего главной движущей силой южнокорейской «молодежной культуры» 1970-х гг. – послевоенных бэби-бумеров.

В третью группу входят *исследования субкультур*, проведенные в рамках подхода культурных исследований, которые рассматривают политические аспекты взаимодействия молодежных субкультур с доминирующей культурой. Сюда прежде всего входит коллективная монография «Сопротивление посредством ритуалов»⁴², а также другие работы представителей школы культурных исследований и людей, близких к ней – Стюарта Холла⁴³, Дика Хебдиджа⁴⁴,

³⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 2022. 416 с.

³⁹ Giddens A. The Nation-State and Violence. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 399 p.

⁴⁰ Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.

⁴¹ Eisenstadt S. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Chicago: Free Press of Glencoe, 1956. 260 p; Eisenstadt S. Modernization and Changing Conceptions of Youth and Generations. In: *Prospects*. 1995. Vol. 25. P. 341–352.

⁴² Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain / ed. by Hall S. & Jefferson T. 2nd ed. London: Routledge, 2006. 401 p.

⁴³ Hall S. Notes on Deconstructing “the Popular”. In: *People’s History and Socialist Theory*. London: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 227–239; Hall S. Popular Culture and the State. In: *Popular Culture and Social Relations*. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1986. P. 22–49.

⁴⁴ Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. London; New York: Routledge, 1979. 208 p. См. перевод части глав этой книги в: Хебдидж Д. Субкультура: значение стиля // Теория моды: одежда, тело, культура. 2009. № 10. С. 131–175.

Стэнли Коэна⁴⁵, которые, опираясь на теоретический базис неомарксизма (через рецепцию идей Антонио Грамши и Луи Альтюссера), фокусируются на том, как молодежные субкультуры символически сопротивляются доминирующему политическому порядку.

Методологическая основа исследования. В диссертации используется совокупность методов, традиционно применяемых в исторической науке: *описательно-аналитический, историко-системный, проблемно-хронологический*, а также *метод тематического анализа*.

Работа следует принципу историзма и рассматривает динамику между «молодежной культурой» и политикой государства в общем контексте социально-экономических и политических изменений в 1970-е гг. При написании глав диссертации был использован описательно-аналитический метод. Использование историко-системного подхода позволило не только рассмотреть историю Республики Корея 1970-х гг. как составную часть всемирной истории, но и установить более тесную взаимосвязь различных факторов и элементов единой исторической реальности. Проблемно-хронологический метод позволил осуществить разбор исторического материала по тематическим блокам (проблемам), при этом сохранив хронологическую последовательность. Благодаря этому методу главный фокус диссертации сосредоточен на выявлении ключевых точек взаимодействия между государственной политикой и «молодежной культурой». Рассматривая особенности «молодежной культуры» в историческом контексте 1970-х гг., диссертация также широко использует подходы из других социальных наук, в частности культурологии и социологии. При анализе части первичных источников была использована разновидность контент-анализа, тематический анализ, чтобы показать то, как в них отражались социальные и политические реалии периода Юсин (которые в данном исследовании выступают «темами» в терминологии Алана Браймана⁴⁶).

Научная новизна диссертации определяется следующим:

- В диссертации комплексно рассматриваются социально-политические и культурные процессы периода Юсин в их совокупности.
- Диссертация проводит развернутый исторический анализ государственной молодежной политики и политики в сфере культуры в период Юсин.
- Исследование рассматривает «молодежную культуру» в контексте государственной политики, обращая внимание не столько на ее культурные характеристики, сколько на социальное и политическое значение.

⁴⁵ Коэн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров / пер. с англ. А. Морозова, Д. Хамис; под науч. ред. Е. Бондал. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 352 с.

⁴⁶ Bryman A. Social Research Methods. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 297–298; 578–581.

- Работа впервые вводит в научный оборот широкую базу источников, связанных как с государственной политикой, так и с «молодежной культурой».

- Диссертация подходит к осмыслению феномена «молодежной культуры» с новых методологических позиций в российском корееведении.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что она способствует углублению понимания процессов модернизации в Республике Корея, а ее результаты представляют ценность для дальнейших исследований в области истории повседневности, социальной и культурной истории. Положения и выводы диссертации, а также обширный эмпирический материал, собранный в процессе исследования, могут быть использованы в учебных целях на кафедрах истории Востока, а также в специализированных центрах, связанных с корейскими исследованиями. Материал работы может служить основой при создании учебных пособий, индивидуальных и коллективных монографий, посвященных истории и культуре Кореи.

Диссертационное исследование обладает и **практической значимостью**: проведенный нами анализ поможет внести вклад в понимание паттернов взаимодействия между молодежью и государством и тем самым стать основой для выработки более сбалансированной государственной молодежной политики.

Хронологическими рамками исследования является период Юсин (1972–1979). Тем не менее, поскольку «молодежная культура» представляет собой феномен, который постепенно развивался с конца 1960-х гг., представляется невозможным определить точную дату ее возникновения. В связи с этим при анализе факторов, оказывавших влияние на различные аспекты «молодежной культуры», рассматриваются и события более раннего периода, в частности 1960-е гг.

Положения, выносимые на защиту:

1. Возникновение и развитие южнокорейской «молодежной культуры» было результатом проводимой государством политики модернизации и последовавшим за ней экономическим ростом. На формирование этого феномена наибольшее влияние оказали такие факторы, как интенсивная урбанизация, расширение доступа к школьному и университетскому образованию, активное распространение средств массовой информации и, как следствие этого, окончательное оформление сферы популярной культуры.

2. На возникновение и развитие «молодежной культуры» оказали влияние и идеологические аспекты проекта модернизации, в частности пиетет перед западными «развитыми странами» (*сончжингук*). Власти пытались проводить политику «ограниченной вестернизации», избирательно внедряя западные ценности и культуру ради экономической

эффективности, однако в условиях сохранения капиталистической модели культурной политики контроль над культурными заимствованиями оказался неполным, и западные образы стали интерпретироваться молодежью в собственных целях.

3. Эволюцию южнокорейской «молодежной культуры» можно разделить на три этапа:

1) 1968–1972 гг.: субкультурный этап, когда элементы «молодежной культуры» были в основном распространены среди студентов и сохранялась прямая связка с потреблением западной культуры. В конце этого этапа начинается коммерциализация «молодежной культуры» и ее интеграция в сферу популярной культуры.

2) 1973–1975 гг.: этап интеграции «молодежной культуры» в популярную культуру, когда она становится предметом интереса со стороны значительной части городской молодежи. Происходит расширение практик и стиля, связанных с «молодежной культурой», выходят связанные с ней популярные литературные произведения и музыкальные альбомы, появляется «молодежный кинематограф». На этом этапе «молодежная культура» оказывается «локализованной» и укорененной в специфических южнокорейских реалиях.

3) 1976–1979 гг.: третий этап, когда под давлением государства происходит кризис «молодежной культуры». На этом этапе «молодежная культура» становится объектом моральной паники и начинает ассоциироваться с девиантным поведением и преступлениями, хотя часть ее элементов получает дальнейшее распространение.

4. «Молодежная культура» отражала ценностные различия между поколениями в Республике Корея и была символическим выражением поколенческого конфликта. Исторический опыт поколения бэби-бумеров отличался от опыта родительского поколения, что привело к различиям в ценностных ориентациях, которые проявлялись в стремлении к более горизонтальному взаимодействию в повседневной жизни, ослаблении ценностей сыновней почтительности и стремлении к автономии среди молодежи.

5. Идеология «всеобщей гармонии» (*чхонхва*) была центральным элементом государственной политики периода Юсин, направленной на мобилизацию общества и подавление внутренних противоречий. Основываясь на традиционных ценностях, специфически интерпретированных правительством Пак Чонхи, она служила инструментом легитимации власти и средством нейтрализации культурных явлений, вышедших за рамки официального дискурса. «Всеобщая гармония» представляла собой коллективистскую, иерархически

организованную систему ценностей, призванную обеспечивать социальную стабильность.

6. «Молодежная культура» вступала в противоречие с официальной идеологией и системой ценностей режима Юсин. Ее практики хотя и не были напрямую политизированными, но открывали пространство для символического сопротивления и культурной автономии молодого поколения, а образы «молодежной культуры» противоречили образам молодежи, формируемым государством в период Юсин.

7. В широком смысле возникновение и развитие «молодежной культуры» является свидетельством двойственной природы процессов модернизации в Республике Корея. Государство сыграло определяющую роль в этих процессах, но оно же стремилось культурно навязать свое специфическое видение современности. Однако на низовом уровне также формировались альтернативные практики освоения и интерпретации современности, проявлением чего и была «молодежная культура». Тем самым процесс модернизации в Республике Корея являлся пространством конфликта между разными социальными группами и государством.

Источниковая база исследования. Источники для темы диссертации можно разделить на семь групп. Первой группой источников являются *нормативные акты* периода Юсин: законы, президентские указы, документы, связанные с конкретными министерствами. Официальные документы того времени являются важными источниками, через которые можно проследить как общий вектор государственной политики в сфере регулирования общественной и культурной жизни, так и конкретное отношение властей к феномену «молодежной культуры».

Во вторую группу источников включаются *материалы, доклады и отчеты национальных правительственных организаций*. Главными источниками такого типа являются «*Белые книги по вопросам молодежи*», которые начинают систематически публиковаться со второй половины 1970-х гг. Эти издания содержат обширные статистические данные касательно молодежи, сведения о реализации конкретных проектов и программ, направленных на работу с ней, и идеологические аспекты молодежной политики государства. Несмотря на их очевидную значимость, этот вид источников до настоящего времени оставался в стороне от внимания большинства исследователей, и впервые вводится в научный оборот в нашей диссертации.

Третья группа источников представляет собой *учебные материалы периода Юсин*, такие как учебники «*Путь защиты свободы*», «*Единый учебник по системе Юсин*» и углубленные пособия «*Идеи системы Юсин*» и «*Руководящие принципы политики в рамках системы Юсин*». Эти материалы были разработаны и внедрены в рамках образовательной реформы, осуществленной после принятия

Конституции Юсин в 1972 г., а потому представляют особую ценность для изучения официальной идеологии, продвигаемой государством, и ключевых политических и моральных установок, которые предполагалось внедрить в сознание молодежи через систему образования.

Четвертой группой источников являются *официальные заявления и произведения политических деятелей*, в первую очередь президента Республики Корея Пак Чонхи. В эту категорию входят его программные речи и тексты пресс-конференций, а также книги за его авторством, в которых изложены его взгляды на модернизацию и историческое развитие Кореи. Особое внимание уделяется двум ключевым работам, «*Пути нашей нации*» 1962 г. и «*Пути возрождения нации*» 1979 г., анализ которых позволяет проследить эволюцию его политических взглядов, а также реконструировать идеологические основы проекта модернизации, осуществляемого в период его правления. К данной категории источников также относятся собранные в книге «*Путь нового духа*» (1979) публичные выступления его дочери, Пак Кынхе, которая во второй половине 1970-х гг. становится важной политической фигурой.

Пятой группой источников является *периодическая печать*: статьи, опубликованные в ведущих газетах («*Чосон ильбо*», «*Чунан ильбо*», «*Кёнхян синмун*», «*Тона ильбо*» и др.), еженедельных («*Воскресный Сеул*») и ежемесячных журналах («*Син тона*», «*Поколение*») 1970-х гг. В свою очередь, эти материалы следует разделить на несколько категорий: во-первых, репортажи/новостные сводки, которые являются источником фактологической информации о происходивших событиях. Во-вторых, колонки отдельных известных журналистов того времени, в частности Ким Бёнъика, журналиста культурного отдела «*Тона ильбо*» с 1965 по 1975 г., который одним из первых обратил внимание на феномен южнокорейской «молодежной культуры». В-третьих, отдельной категорией являются газетные статьи, написанные непосредственными деятелями «молодежной культуры» (например, «*Декларация “молодежной культуры”*» Чхве Инхо). В-четвертых, отдельный интерес представляют публиковавшиеся в периодических изданиях стенограммы публичных дебатов, где участвовали как представители «молодежной культуры», так и ведущие интеллектуалы.

Шестой группой источников являются *аудиовизуальные источники* 1970-х гг. В эту категорию выходят так называемые «молодежные фильмы» (*чхоннён ёнхва*), снятые новой волной южнокорейских режиссеров (например, Ли Чжанхо), которые стремились отразить актуальные общественные феномены в своих фильмах, репрезентировать «молодежную культуру» и ее ценностные ориентиры, а также популярная музыка того времени (например, произведения за авторством Ким Минги и Сон Чхансика). В эту же группу источников входит и официальное искусство периода Юсин: пропагандистский кинематограф в форме созданных

при государственной поддержке документальных и игровых фильмов (*кукчхэк ёнхва*), а также официальная «здоровая музыка» (*кончжон ымак*).

Наконец, седьмой группой первичных источников являются *источники личного происхождения*: интервью, мемуары и воспоминания ключевых акторов «молодежной культуры». К примеру, автобиографии Син Чжунхёна, Ли Чжанхо, Хан Дэсу, Юн Хёнчжу и Ян Хиын; интервью с Чхве Инхо, Ли Чжанхи, Ким Минги и др. Несмотря на субъективность данных источников, обусловленную личным опытом их авторов и временной дистанцией, они содержат ценные сведения о развитии «молодежной культуры» 1970-х гг.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в трех научных статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, две из них были также переведены на английский язык. Часть результатов исследования были представлены в ходе работы над коллективным научно-исследовательской проектом «*Национальная идеология и инструменты воспитания патриотизма в Корее (XX–XXI вв.)*» (номер гранта: 24-28-00788). Некоторые положения исследования нашли применение при чтении спецкурса «*Политические процессы в Республике Корея сквозь призму национального кинематографа*» в Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Отдельные результаты исследования прошли апробацию в период 2021–2025 гг. в форме докладов на восьми научно-практических конференциях, круглых столах и иных научных мероприятиях:

1. *Старшинов А.С., Строганова И.Б. «Чхоннён мунхва» и развитие южнокорейской популярной музыки (1964–1975) / Международная конференция «Модернизация Кореи: в прошлом и в современности» при поддержке Академии корееведения. СПбГУ, Россия, 8–9 апреля 2021.*
2. *Старшинов А.С. Рассказ «Дни расцвета Ёнчжа» Чо Сончжака (1973) и его экранизация Ким Хосоном (1975): сравнение репрезентаций мужских и женских образов / Всероссийский Круглый стол «Корейская литература: преодолевая гендерные стереотипы». Институт стран Азии и Африки, Россия, 6 марта 2023.*
3. *Старшинов А.С. Корейская война, идеология и военный кинематограф в период правления Пак Чонхи (1961–1979): странный случай «Демилитаризованной зоны» Пак Санхо (1965) / Круглый стол «У истоков разделения Кореи». Институт стран Азии и Африки, Россия, 15 июня 2023.*
4. *Старшинов А.С. Милитаризация культуры в период правления Пак Чонхи (1961–1979): на примере южнокорейского кинематографа /*

Круглый стол «Война и мир на Востоке: проблемы милитаризации и поствоенного урегулирования восточных обществ». Институт стран Азии и Африки, Россия, 17 февраля 2023.

5. *Старшинов А.С.* Метаморфозы патриотизма и национализма в период правления Пак Чонхи (1961–1979 гг.) / *Корея в условиях глобальной трансформации: социально-политические и культурологические аспекты.* Институт стран Азии и Африки МГУ, Россия, 10–11 сентября 2024.

6. *Старшинов А.С.* Молодежная политика и патриотическое воспитание в Республике Корея в период Юсин / *Научный семинар «Национальная идеология и инструменты воспитания патриотизма в Корее (XX–XXI вв.)».* Институт стран Азии и Африки МГУ, Россия, 25 октября 2024.

7. *Старшинов А.С.* Общество, государство и маскулинность в период Юсин (1972–1979): на примере кампаний по контролю за длинными волосами у мужчин (*чанбаль тансок*) / *Власть пола: социальные изменения в Корее в условиях ускоренной модернизации и урбанизации.* Институт стран Азии и Африки МГУ, Россия, 15 марта 2025.

8. *Старшинов А.С.* Поколение бэби-бумеров и социальные изменения в послевоенной Республике Корея (на материале южнокорейских социологических исследований 1970-х – начала 1980-х гг.) / *Круглый стол «К 80-летию освобождения Кореи от японского колониализма: проекты и вызовы национального развития РК и КНДР в XX–XXI вв.»* Институт стран Азии и Африки МГУ 13 сентября 2025 г.

Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура исследования. Работа состоит из пяти глав, введения, заключения и библиографии.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность выбранной темы диссертации, определены объект и предмет исследования, сформулированы цели и основные задачи исследования. Раскрыты научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость результатов и установлены хронологические рамки исследования. Выделена методологическая основа диссертации и сформулированы ключевые положения, выносимые на защиту, дана характеристика теоретической базы исследования, представлен обзор используемых источников и историографии.

Первая глава «Молодежные культуры и “молодежная культура”: предварительные замечания к изучению молодежных культур в незападном контексте» представляет собой теоретический раздел диссертации, подробно раскрывающий методологию исследования и затрагивающий проблематику применения методов и категорий западной социологии к случаю Республики Корея.

Диссертация опирается на методологию исследования субкультур, разработанную в рамках школы культурных исследований, однако частично пересматривает ее с критической точки зрения. Так, соглашаясь с тем, что молодежные субкультуры являются символическими формами сопротивления, возникающими в ответ на социально-экономические изменения, мы полагаем, что как жесткий классовый подход, делающий акцент исключительно на субкультурах рабочего класса, так и тезис об «обезвреживании» субкультур в ходе их взаимодействия с популярной культурой является упрощением, поскольку не учитывает интерактивную природу этого явления.

При рассмотрении «молодежной культуры» в работе используется поколенческий подход, основанный на теории поколений, разработанной Карлом Мангеймом. Этот подход подчеркивает роль поколения как агента социальных изменений и акцентирует внимание на том, что основным способом формирования поколения является общность исторического опыта.

Таким образом, южнокорейская «молодежная культура» 1970-х гг. анализируется как результат взаимодействия специфического поколенческого опыта, обусловленного отсутствием непосредственной памяти о Корейской войне и японском колониализме, с процессами модернизации под руководством авторитарного государства. Наше исследование подчеркивает роль популярной культуры, которую нельзя свести лишь к «функции» доминирующей культуры, как пространства, в котором происходят символические конфликты. Учитывая южнокорейские реалии периода модернизации, мы рассматриваем класс не как единственно возможную основу субкультурной принадлежности и определяющий фактор существования самой субкультуры, а как индикатор социального

неравенства, способный оказывать влияние на степень вовлеченности в субкультуру.

Во второй главе диссертации под названием **«Социально-экономические основы возникновения “молодежной культуры”»** анализируются основные социально-экономические факторы, обусловившие формирование южнокорейской «молодежной культуры».

Политика модернизации, активно проводимая государством в 1960–70-е гг., привела к интенсификации процессов урбанизации и индустриализации в стране, что вызвало изменение восприятия роли молодежи в обществе. Первоначальное возникновение «молодежной культуры» в Сеуле объясняется тем, что именно в столицу направлялась основная часть внутренней миграции, что и обусловило концентрацию молодого населения. Экономический рост привел к увеличению доходов южнокорейских семей в 1970-е гг., что вылилось в расширение объемов потребления, включающего в себя не только удовлетворение базовых потребностей, но и сферу досуга, моды и развлечений. Городская молодежь получила больше возможностей как самостоятельно зарабатывать деньги, так и получать их от родителей, и тем самым возникла в качестве самостоятельной потребительской группы и участников культурного производства.

Важной предпосылкой развития «молодежной культуры» стало расширение сферы образования (школ, колледжей и университетов) в указанный период, что способствовало формированию универсализированного школьного опыта и активизации взаимодействия сверстников между собой внутри этой среды. Быстрое распространение масс-медиа, в особенности радио и телевидения, инициированное государством ради достижения политических целей, также сыграло большую роль в популяризации «молодежной культуры». С этой точки зрения наиболее важным было возникновение ориентированных на молодежь музыкальных радиопрограмм с диджеями в роли ведущих и телевизионных передач, где показывали выступления молодых музыкантов.

На фоне индустриализации и модернизации в Республике Корея окончательно сложилась сфера массовой культуры, а культурное потребление становилось повседневной практикой. Возникновение феномена «молодежной культуры» в Южной Корее 1970-х гг. стало результатом комплекса социальных, экономических и последовавших за ними культурных трансформаций, отражающих становление модели современного общества. К 1970-м гг. молодое поколение стало заметной социальной группой с отличными от родительского поколения культурными предпочтениями, которые находили отражение через радио, телевидение, кино и прессу.

В третьей главе, озаглавленной **«Государство, модернизация и вестернизация в период правления Пак Чонхи»**, представлен анализ идеологических аспектов модернизации и степени их влияния на различные

сферы общественной жизни. В качестве основы для такого воздействия выделяется завершение формирования современного государства в период правления Пак Чонхи, которое путем распространения современных дисциплинарных практик получило возможность упрочить свое влияние в сфере повседневности.

Модернизация, инициированная военным режимом, включала в себя не только экономические реформы и институциональные преобразования, но и внедрение новых ценностей под лозунгом рациональности, эффективности и прогресса. Основой для девелопменталистского дискурса периода правления Пак Чонхи служила дихотомия «хучжунгук–сончжунгук» («отсталое – развитое государство»), подчеркивающая необходимость ускоренного экономического роста. Республика Корея систематически и в уничижительном ключе определялась как «неразвитое государство», а главной задачей провозглашалось достижение статуса «развитой страны». Эталоном «развитых стран» были исключительно страны запада, прежде всего США, чья культура становилась объектом повышенного внимания со стороны общества и государства.

Политика «ограниченной вестернизации» стала попыткой соблюсти баланс между западной современностью и корейской традицией, и ее реализация предполагала избирательную адаптацию как западной культуры, так и элементов традиционной культуры Кореи в соответствии с критериями экономической эффективности и полезности для легитимации власти. Опираясь на такую логику, государство выборочно внедряло элементы западной культуры (в одежде, сфере семейных отношений, образовании), при этом пытаясь ограничить иные формы культурного влияния Запада. Однако полностью контролировать процесс модернизации было невозможно, а продвигаемые властями элементы современности могли интерпретироваться населением по-своему, что приводило к неожиданным результатам. Одним из наиболее заметных проявлений этого и было возникновение «молодежной культуры», которая ориентировалась на образы молодежи и популярную культуру «передовых стран».

Четвертая глава «Молодежная культура/южнокорейское общество, 1968–1979» затрагивает краткую историю южнокорейской «молодежной культуры» и ее взаимодействие с южнокорейским обществом.

В главе выделены основные черты «молодежной культуры», которая рассматривается не просто как подражание западному образу жизни, но как сложный социокультурный феномен, возникший в контексте модернизации южнокорейского общества. Спектр явлений, связанных с «молодежной культурой», включал в себя потребление, в том числе и культурное: прослушивание специфических форм популярной музыки (фолка, рок-музыки), просмотр новых жанровых форм кинематографа («молодежные фильмы») и чтение литературы, написанной молодым поколением писателей. Помимо этого, он включал в себя характерные для молодежи практики: новые формы

взаимодействия с противоположным полом в рамках «слепых» коллективных (*митхин*) и индивидуальных свиданий, гоу-гоу танцы и коллективное исполнение музыки на акустической гитаре. Наконец, стиль «молодежной культуры» проявлялся в ношении джинс и футболок, мини-юбок у женщин, длинных волос у мужчин.

Первый параграф главы посвящен зарождению «молодежной культуры» и охватывает период с 1968 по 1972 г. Первоначально «молодежная культура» возникла как студенческая субкультура, основанная на доступе к специфическому культурному капиталу: возможности напрямую потреблять американскую популярную культуру, в особенности музыку. На этом этапе происходят первые попытки ее «воспроизводства», в результате чего формируется комплекс культурных практик, стилей и жанров, которые в дальнейшем будут определять облик «молодежной культуры» 1970-х гг. С расширением социально-экономической базы для развития «молодежной культуры» происходит ее постепенное распространение на более широкую аудиторию, что было сопряжено с процессами коммерциализации, ростом числа «молодежных мест» и развитием музыкального рынка.

Термин «молодежная культура» начинает входить в интеллектуальный обиход с конца 1960-х гг. Большая часть южнокорейских социологов связывала возникновение этого феномена с политическим разрывом между поколениями и утверждала, что в Республике Корея, в отличие от развитых западных стран, такая ситуация не сложилась. За исключением нескольких интеллектуалов, таких как Ким Бёнйик, основная масса исследователей не считала значимыми существующие элементы южнокорейской «молодежной культуры», которые рассматривались как «вторичные» и «искаженные» по отношению к аутентичным западным аналогам (например, субкультуре хиппи).

Второй параграф главы затрагивает пик развития южнокорейской «молодежной культуры», пришедшийся на 1973–1975 гг., когда она стала частью массовой культуры. Этот процесс сопровождался жанровыми изменениями: происходит трансформация фолк-песен, которые эволюционируют в музыкально разнообразный жанр, включавший в себя элементы поп- и рок-музыки.

На этом этапе «молодежная культура» находит свое выражение в литературе и кинематографе. Фильм *«Родина звезд»* (1974) стал важным прецедентом синтеза музыки, литературы и кино, положив начало жанру «молодежного кино». Музыканты, писатели и режиссеры, ассоциировавшиеся с «молодежной культурой», становятся объектом повышенного внимания СМИ и публики. Все эти процессы сопровождалось трансформациями в потреблении и моде, диверсификацией форм романтических практик и формированием новых пространств молодежного досуга, таких как район Чонно. Локализация и адаптация западных форм популярной культуры сопровождалась и их

популяризацией среди широких слоев городской молодежи, включая школьников и работающую молодежь

В этот период происходит активизация дискуссий о «молодежной культуре» среди южнокорейских интеллектуалов. Хан Вансан, автор влиятельной книги *«Современное общество и молодежная культура»* (1973), рассматривал возникновение молодежной субкультуры как потенциально положительное явление, но отмечал, что «истинная» молодежная культура не существует в Республике Корея. Он настаивал на том, что этот феномен должен укореняться в народной культуре и быть оторванным от коммерциализма, и противопоставлял текущую южнокорейскую ситуацию западным контркультурным движениям. Публикация в 1974 г. статьи Ким Бёнъика *«Сегодняшние “молодые идолы”»*, которая положительно оценивала южнокорейскую «молодежную культуру» как выражение глубинных ценностных изменений, спровоцировала общественные дискуссии об этом феномене. Его подход вызвал критику как у социологов, так и у студенчества, обеспокоенных коммерциализацией культуры и утратой корейских традиций. В ходе общественных дебатов термин «молодежная культура» все чаще начал отождествлялся с «вульгарной» массовой культурой, что привело к его маргинализации в публичном дискурсе.

В третьем параграфе главы рассматривается период с 1976 по 1979 г., когда происходит кризис «молодежной культуры», вызванный репрессиями со стороны государства. После так называемого «марихуанового скандала», инициированного государством в конце 1975 г., «молодежная культура», до этого представлявшая собой целостное явление в рамках популярной культуры, объединяя стиль, досуг и формы художественного самовыражения, претерпела ряд изменений и подверглась фрагментации.

Наиболее заметные сдвиги произошли в сфере музыки: телевизионные программы и молодежные фестивали, где участвовали фолк- и рок-музыканты, стали объектами институционального контроля. Песни, исполнявшиеся там, представляли собой более умеренную и социально приемлемую версию музыки «молодежной культуры», они сохраняли ее жанровые черты, но были лишены прежнего провокативного характера. Исключались любые элементы, ассоциировавшиеся со «стилем хиппи», тематика песен очищалась от «нездоровой» лексики, а образы артистов подгонялись под жесткие стандарты.

Одновременно с этим в освещении масс-медиа окончательно закрепляется дискурсивная связь между «молодежной культурой» и девиантным поведением. Пространства, ассоциировавшиеся с молодежью, такие как кафе, клубы и бары, становятся объектами моральной паники и начинают восприниматься как очаги упадка и разврата. Эти процессы сопровождались усилением контроля над внешним видом и поведением молодежи. Несмотря на репрессивную политику

государства, отдельные элементы «молодежной культуры», такие как джинсы и длинные волосы у мужчин, получили более широкое распространение.

Наконец, в четвертом параграфе главы под названием «Южнокорейская молодежь 1970-х гг., ее ценности и практики: социальное значение “молодежной культуры”» показывается, опираясь на данные социологических исследований того времени, что возникновение «молодежной культуры» было отражением ценностных трансформаций у послевоенного поколения бэби-бумеров. Молодежь менее догматично воспринимала традиционные нормы сыновней почтительности, стремилась к автономии, более либерально относилась к романтическим отношениям и испытывала большее недоверие к авторитетам.

В соответствии с этим места «молодежной культуры», свободные от контроля со стороны взрослых, становились пространствами горизонтального взаимодействия и самовыражения для молодежи. Такие практики, как ношение джинсов у женщин и длинных волос у мужчин, служили формой символического протеста, обусловленного желанием отделить себя от родительского поколения. Практики «молодежной культуры» объединяли сверстников, создавая чувство сопричастности и эмоционального освобождения, и могли служить символическим выражением недовольства репрессивной образовательной и социальной средой.

Пятая глава «“Молодежная культура” и государственная политика, ориентированная на молодежь, в период Юсин (1972–1979)» посвящена молодежной политике государства и ее взаимодействию с «молодежной культурой».

В первом параграфе главы показывается, что проблема молодежи была одной из ключевых для государства периода Юсин. Молодое поколение было объектом системной молодежной политики и рассматривалось как относительно однородная социальная группа: как студентов, так и рабочих подвергали схожим формам воспитания и идеологической мобилизации.

Доминирующая идеология системы Юсин, «всеобщая гармония» (*чхонхва*), основывалась на стремлении властей не допустить социальные и политические конфликты и акцентировать внимание на необходимости следовать иерархии, основанной на специфически интерпретированных традиционных корейских ценностях. Эта идеология рассматривалась властями как основа собственной легитимности и служила основой молодежной политики, направленной на интеграцию молодежи в проект модернизации.

Осознавая межпоколенческие различия, власти испытывали обеспокоенность по поводу кризиса ценностей среди молодежи, который они связывали с неконтролируемым распространением иностранной культуры и «упаднических тенденций» (*твенхе пхунчжо*). Они рассматривались в качестве угрозы «здоровому» воспитанию молодежи и поддержанию общественной

морали. Борьба с этими тенденциями велась через так называемое «очищение общества» (*сахве чонхва*), которое представляло из себя искоренение всех «нездоровых» элементов в культуре и искусстве.

Второй параграф главы под названием «*Массовые организации периода Юсин и государственная политика в отношении “молодежной культуры”*» затрагивает конкретные направления молодежной политики государства. Уже в начале 1970-х гг. вводились точечные репрессивные меры, направленные на искоренение «молодежной культуры», однако после введения системы Юсин в 1972 г. давление государства стало более систематическим: новая версия Закона о мелких правонарушениях усилила контроль над внешним видом граждан, а новые законы о кино и вещании – над сферой культуры. «Молодежная культура» объявлялась «нездоровой», а ношение атрибутов ее стиля приравнивалось к административным правонарушениям. В 1975 г. был принят «*Указ №9 о чрезвычайных мерах*», который еще больше усилил репрессии: были проведены национальные кампании против длинных волос у мужчин, усилен контроль за СМИ и концертными выступлениями, инициирован «марихуановый скандал», который лишил часть музыкантов и режиссеров возможностью заниматься творческой деятельностью. Жесткий контроль за сферой культуры продолжился вплоть до конца 1970-х гг.

Одновременно с репрессиями против «молодежной культуры» государство активно продвигало участие молодежи в таких массовых движениях, как «Движение за новую деревню» и «Движение за новый дух», которые были направлены на воспитание патриотизма и упрочение дисциплины среди молодого поколения. Находившаяся в спайке с ними образовательная политика периода Юсин включала в себя милитаризацию школ и университетов, усиление националистического аспекта воспитания и идеологическую стандартизацию учебных программ с акцентом на традиционные корейские ценности и национальное единство.

Третий параграф главы посвящен анализу образов молодежи в официальной пропаганде периода Юсин и образам «молодежной культуры».

С начала 1970-х гг. правительство Пак Чонхи активно формировало нормативный образ молодежи, основанный на лояльности государству, соблюдении трудовой дисциплины, духе антикоммунизма и готовности безоговорочно участвовать в государственном проекте модернизации. В противовес «заблудшей» и «потребительски ориентированной» молодежи, увлеченной «молодежной культурой», официальная пропаганда транслировала образы «идеальных» молодых граждан: солдат, рабочих, студентов и волонтеров.

Образы «молодежной культуры» вступали в конфликт с государственной идеологией: длинные волосы, джинсы, мини-юбки и стиль «унисекс» рассматривались как вызов традиционной морали, милитаризованной

маскулинности и жесткой модели гендерных отношений, продвигаемых государством. Искусство «молодежной культуры» предлагало альтернативные образы молодежи, показывая ее как уязвимую группу, страдающую от отчуждения. «Молодежные фильмы» критически переосмысливали реалии модернизации, а их персонажи часто выражали эмоциональные состояния, противоречащие официальным ценностям «здоровой жизнерадостности». Отдельные элементы «молодежной культуры», такие как фолк-песни, могли использоваться в качестве политически заряженных протестных символов, а неформальные практики общения и культурного выражения создавали пространство автономии и дистанцирования от государства.

В заключении подведены итоги и сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Возникновение и развитие «молодежной культуры» в Республике Корея было закономерным следствием ускоренной модернизации под руководством государства в период правления Пак Чонхи. Осуществляя модернизационную политику, правящий режим руководствовался прагматичными мотивами: пытался добиться собственной легитимации и повысить управляемость общества, чтобы интегрировать население в проект национального развития. Однако именно внутри таких возникших в процессе модернизации феноменов, как информационное пространство новых СМИ или первые зачатки массовой потребительской экономики, новое поколение городской молодежи обнаружило возможности для формирования собственной уникальной культуры.

Развитие «молодежной культуры» в Южной Корее следует, однако, рассматривать не только как простое следствие социально-экономических трансформаций, сопровождавших модернизацию, но и как результат воздействия противоречий внутри идеологической рамки самого модернизационного проекта. Центральное место в нем занимала бинарная оппозиция «развитых» и «отстающих» стран, которая служила основой для восприятия мира в целом и места Республики Корея в этом мире. Упор на сферу экономики и стремление, преодолев «отсталость», приблизиться к статусу «развитого» государства, коими в глазах государства и интеллектуалов являлись страны Запада – прежде всего США – обусловило и включение определенных элементов вестернизации в политику государства. Даже в период Юсин, когда модель модернизации приобрела более ярко выраженное националистическое измерение, подчеркивающее важность корейской традиции, логика такого иерархического мышления сохранялась, и именно она способствовала формированию у молодого поколения интереса к западным молодежным культурам.

Являясь «побочным продуктом» модернизационной политики, «молодежная культура» служила подтверждением того, что сами процессы модернизации – как и следующей за ней вестернизации, какой бы частичной и

ограниченной она ни была – не только с трудом поддавались контролю со стороны государства, но и происходили неравномерно в южнокорейском обществе. Одним из ключевых факторов восприимчивости к этим изменениям была поколенческая принадлежность: представители послевоенного поколения бэби-бумеров были более чувствительны к социальным и культурным трансформациям, что обусловило возникновение межпоколенческих конфликтов. В этом смысле «молодежную культуру» можно рассматривать как выражение ценностного сдвига внутри молодого поколения, вызванного стремительными социальными изменениями в ходе модернизации. Она, таким образом, была средством формирования и утверждения новой идентичности, которая конструировалась как на индивидуальном, так и на групповом уровне, проявляясь прежде всего в повседневных практиках – например, выборе одежды, музыкальных предпочтениях, способах организации досуга и форм общения.

В отличие от некоторых западных контркультурных движений, развитие южнокорейской «молодежной культуры» происходило не вне или в оппозиции к популярной культуре, а, напротив, внутри нее. Кульминацией ее эволюции стал период 1973–1975 гг., когда она подверглась коммерциализации и интегрировалась в структуру массовой культуры. Коммерциализация способствовала распространению форм самовыражения и потребления, ранее ограниченных кругом студенческой молодежи, среди более широкой аудитории, при этом сохранялась поколенческая специфика этого феномена. Вопреки распространенному мнению о размывании критического потенциала культуры в результате этих процессов, они не привели к «обезвреживанию» «молодежной культуры»: напротив, именно в этот период она становится объектом как общественного осуждения и жесткой критики со стороны интеллектуалов и студенческих активистов, так и нарастающих репрессий со стороны государства. Подчеркнем, что именно на этом этапе «молодежная культура», что было наиболее заметно в искусстве, связанном с ней, окончательно перестает быть простым копированием форм западных молодежных культур, но становится их *творческим переосмыслением*, в котором нашли отражение южнокорейские реалии того времени.

Государство периода Юсин рассматривало этот феномен как угрозу общественному порядку и идеологической целостности режима, поскольку образы, практики и ценности, транслируемые «молодежной культурой», вступали в противоречие с официальными установками режима, особенно в контексте усиленного идеологического контроля 1970-х гг. В ответ на распространение «молодежной культуры» государство инициировало масштабную кампанию по ее искоренению, включавшую в себя цензуру СМИ и художественных произведений, нагнетание моральной паники, репрессивные меры против отдельных представителей молодежной сцены и т. д. Параллельно с репрессиями против

«молодежной культуры» режим Пак Чонхи стал выстраивать полноценную молодежную политику, ориентированную на мобилизацию молодежи в рамках продвигаемого властями проекта модернизации. Такая политика рассматривала молодежь не как субъект, обладающий культурной автономией, а как объект воспитания и контроля. В этом контексте «молодежная культура» представляла собой «демобилизующий» фактор – спонтанное, децентрализованное явление, не подчиненное идеологии «всеобщей гармонии» и культурно альтернативное ей.

В противовес авторитарной логике вертикальной власти в рамках «молодежной культуры» выстраивались горизонтальные способы социального и культурного взаимодействия. На фоне строгих гендерных норм и образов молодежи, пропагандируемых государством в 1970-е гг., «молодежная культура» предлагала отличные от них стили и способы самовыражения, которые были связаны с меняющейся сексуальностью и новыми формами социального взаимодействия. В художественном творчестве, связанном с «молодежной культурой», мы можем найти как критику проекта модернизации, так и эмоциональные структуры, которые не вписывались в рамки господствующих представлений. В этом смысле «молодежная культура» представляла собой форму культурного сопротивления специфической модели модернизации, продвигаемой государством, что в данный исторический период несомненно имело *политическое* значение.

III. СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В российских рецензируемых научных журналах из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Старшинов А.С., Ким Н.Н. Южнокорейская «молодежная культура» 1970-х и государственная политика модернизации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2022. Т. 14. № 4. С. 373–388.
2. Старшинов А.С. Милитаризация культуры в период правления Пак Чонхи (1961–1979) на примере военного кинематографа Республики Корея // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2024. Т. 16. № 2. С. 165–186.
3. Старшинов А.С. Молодежная политика и патриотическое воспитание в период Юсин (1972–1979 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 5. С. 171–186.